

**ПРАГМАТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
БАЗА ДАННЫХ «РУТИНИКОН»**

Е. В. Рахилина^{1, 2}, С. М. Гюласарян^{2, 4}, П. А. Бычкова³

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, 11

³ Университет Любляны,
Словения, 1000, Ljubljana, Конгресни трг, 12

⁴ Университет Ка' Фоскари,
Италия, 30123, Дорсодуоро, 3246

Поступила в редакцию 09.09.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2

Настоящая работа посвящена базе данных «Рутиникон» как цифровому инструменту описания рутин — особого класса формульных фразеологических единиц, которые представляют собой реакции на стандартные экстралингвистические ситуации или комментарии к ним. Например, формула Кого я вижу! — это реакция на ситуацию неожиданной встречи, а Кто там? — стандартная формула-реакция на стук в дверь. Сбор, классификация и исследование единиц такого рода представляет несомненный интерес как с точки зрения теории дискурса и прагматики, так и с точки зрения практики освоения живого разговорного русского языка инофонами. «Рутиникон» является естественным продолжением проектов «Русский Конструктикон» и «Прагматикон», заимствуя у проектов-предшественников некоторые принципы сбора и работы с данными. При этом в «Рутиниконе» собраны фразеологические единицы другого типа, нежели в этих базах, и для их описания требуется принципиально иная структура разметки. Рассмотрены принципы и особенности этой разметки, а также ее потенциал для внутриязыковой классификации рутин русского языка и применимость к соответствующему материалу других языков — в перспективе последующих типологических исследований. Для иллюстрации привлечены примеры из собранного авторами материала итальянского языка.

Ключевые слова: прагматика, конструкции, рутины, база данных, русский язык, итальянский язык

1. Введение

Настоящая работа посвящена *рутинам* как особому типу устойчивых сочетаний. Под рутинами подразумеваются стандартные вербальные реакции на конкретную внеязыковую ситуацию или комментарии к ней. Термин *conversational routines* восходит к работам, в которых рассматриваются в основном выражения, употребляющиеся в рамках определенных социокультурных сценариев (ср. прежде всего: Rasmus Rask..., 1981; Aijmer, 2014). В первую очередь к ним относятся формулы речевого этикета — приветствия, извинения, реакции на подарок или комплимент и др. Наш опыт работы с материалом показывает, что формулы речевого этикета укладываются в более широкий класс, который

можно определить как множество устойчивых языковых выражений формульного типа, реагирующих на стандартные экстралингвистические ситуации. Действительно, приветствия, извинения или комплименты являются реакциями на такие ситуации, как встреча, неловкое действие говорящего по отношению к контрагенту ('наступил на ногу') или чувство восхищения собеседником, однако к ним тесно примыкают и такие формулы, которые выходят за рамки зоны вежливости. Ср., например, формулы (1–4) в русском:

(1) *Так тебе /ему и надо!* – как злорадная реакция на неприятную ситуацию (или рассказ о ней), которая произошла с собеседником или с третьим лицом на глазах говорящего.

(2) *Взяли!* – как призыв к немедленной совместной слаженной деятельности.

(3) *Ну-ка ну-ка (покажи)* – как запрос на получение дополнительной информации о некоторой вещи, которую в данный момент демонстрирует собеседник, но говорящий не может разглядеть.

(4) *На, подавись!* – как неохотная передача объекта, как правило, после долгого выпрашивания.

Задача текущего исследования – системно описать это разнородное множество формул-рутин, собрав их представительный набор в виде базы данных. Для этого необходимо выделить параметры, релевантные для их классификации и типологического сопоставления.

Между тем, как известно, фразеология (а рутины квалифицируются как классические фразеологические единицы, ср. для русского языка прежде всего (Баранов, Добровольский, 2008; 2022)), сложна для классификации. Фразеология богата прагматикой, а область лингвистической прагматики известна тем, что ей трудно придать структуру – и поэтому она с трудом поддается межъязыковому сопоставлению (Barotto, Mauri, 2018; Рахилина и др., 2022). Значимость прагматики для описания устойчивых выражений неоднократно отмечал Чарльз Филлмор, создатель одной из ведущих современных лингвистических теорий – Грамматики конструкций (Hoffmann, Trousdale, 2013). Работы Филлмора говорят о том, что во многом именно интерес к прагматике, которая сопутствует процессу конструкционализации, привлекал его к этой тематике и в конечном счете способствовал созданию Грамматики конструкций. Так, в хрестоматийной статье о конструкции *LET ALONE* (Fillmore et al., 1988) много говорится о соотношении позиции говорящего с исходным утверждением, о вероятности предположений, о дополнительной по сравнению с обычным отрицанием экспрессивной силе, которая придается утверждению говорящего самой формой конструкции (подробнее см.: Рахилина, Кузнецова, 2010), а также статьи В.Ю. Апресяна «Кроме 1», «Кроме 2», «Включая» в (Новый объяснительный словарь..., 2004)).

Та же идея пронизывает работы Филлмора, непосредственно предварающие эту статью, например (Fillmore, 1984) – показательно уже название: "Remarks on contrastive pragmatics", хотя, казалось бы, эта небольшая работа, почти заметка, посвящена просто описанию кон-

струкций разного типа. На самом деле на примере шести устойчивых сочетаний — среди них есть и рутин, и другие типы конструкций — Филлмор перечисляет характеристики, которые могут быть релевантны для описания прагматических явлений, в том числе параметры коммуникативной ситуации и отношение говорящего к ситуации. Понятно, что из всего разнообразия конструкций именно рутин как непосредственно связанные с внеязыковой ситуацией концентрируют в себе максимум прагматических параметров, которые напрямую и неразрывно сопряжены с семантикой, и поэтому представляют своеобразный вызов современной семантической теории.

В цифровую эпоху ответом на такой вызов может быть их описание в виде системы взаимосвязанных признаков, то есть базы данных, по которой можно осуществлять поиск, получать похожие группы формул-рутин и описывать их аналоги в других языках. Такая база данных будет являться инструментом для типологического исследования. Идея создания баз данных как отправной точки для классификации и типологического сопоставления фразеологии тоже принадлежит Ч. Филлмору — начиная с его проекта базы *FrameNet* (<https://framenet.icsi.berkeley.edu>), в которой собираются устойчивые модели управления (Fillmore, 2008; Fillmore et al., 2012), и заканчивая идеей Конструктикона как коллекции конструкций, которую он выдвинул в конце жизни, выделив 64 английских конструкции для начала работы над ним¹. Для фразеологии цифровизация замечательна тем, что позволяет осуществить ее последовательное описание, постепенно строя независимые базы для разных типов фразем. Описание каждого такого типа, имеющего свои особенности, предполагает разный набор семантических и прагматических параметров, а значит, свою структуру базы. Общим в них будет то, что определила Грамматика конструкций: состав фраземы (фиксированная часть и слоты, которые могут заполняться ограниченным набором переменных), а также, как мы уже говорили, дополнительный прагматический компонент значения.

На сегодняшний день для русского языка в рамках этого подхода описано два фрагмента фразеологии и, соответственно, создано две базы: «Русский Конструктикон», и «Прагматикон» — о них как предшественниках настоящего проекта мы расскажем в разделе 2. Работа над третьей базой, «Рутиникон», пока не завершена — ее задачи и материал описаны в разделе 3, а разметка — в разделе 4. В разделе 5 обсуждается возможность применить предложенную разметку для данных других языков — в частности, итальянского, а также принципиальная сопоставимость рутин в разных языках. Заключение подводит итоги изложенного.

---

¹ На настоящий момент подобная база существует для японского (Ohara, 2013), португальского (Torrent et al., 2014), шведского (Sköldbberg et al., 2013) и немецкого языков (Boas, Ziem, 2018), а также на материале сразу нескольких языков (см. мультязычные базы, напр. (Benigni et al., 2015)). При этом, как правило, такие ресурсы совмещают в себе фразеологические единицы разных типов.

2. Опыт цифровизации фразеологии для русского языка: «Русский Конструктикон» и «Прагматикон»

База данных «Русский Конструктикон» была создана совместно группой CLEAR (Арктический университет Норвегии, Тромсё) и Школой лингвистики НИУ ВШЭ (Москва) в рамках соответствующего проекта (Janda et al., 2018; 2023; Endresen, Janda, 2020). «Русский Конструктикон» коллекционирует преимущественно классические конструкции, на материале которых Ч. Филлмор начинал формулировать основные постулаты Грамматики конструкций. Это устойчивые выражения с квазиграмматическим значением (ср. *let alone*), состоящие из неизменной — якорной — части и слотов-переменных.

В качестве примера рассмотрим русскую конструкцию *без малого NumCrd NP-Gen* (например, *без малого тридцать лет*): в ней элемент *без малого* является якорным, а *NumCrd* и *NP-Gen* представляют собой переменные: целое и, как правило, круглое число и именная группа с особой семантикой, которая задается конструкцией. В целом конструкция обозначает неточное количество объектов — конкретных или абстрактных — которое немного меньше, чем ближайший крупный числовой ориентир. Таким образом, конструкция передает значение ‘приближение к объекту или нахождение вблизи него’, которое во многих языках (например, удмуртском или вепском) грамматикализуется: в них есть соответствующее падежное значение. В русском оно не грамматикализовано и обычно передается наречием *почти* — но наречие сочетается преимущественно с глаголом (*почти сделал*), а конструкция *без малого* предпочитает числительные с существительными: *без малого три тысячи человек, без малого два миллиарда рублей, без малого 4 года*. Еще одна аппроксимативная конструкция *без пяти минут NP* имеет другие ограничения на слот, предпочитая именные группы со значением «профессиональный статус» или «семейный статус»: *без пяти минут инженер, без пяти минут старший брат*. Приведенный пример показывает, что конструкция *без малого NumCrd NP-Gen* близка к грамматической, но, будучи избирательна по своей сочетаемости, таковой считаться не может.

Полное собрание такого рода конструкций, представляющих особый пласт языковых выражений с когнитивно выделенными значениями — теми, которые часто становятся в языке обязательными, представляется важной задачей. Для русского языка ее в основном выполнила база «Русский Конструктикон» (<https://constructicon.github.io/russian/>, constructicon.ruscorpora.ru): в настоящее время она насчитывает более 4 тыс. единиц (Orlov et al., 2023). В базе есть обширная разметка — по семантическим и синтаксическим классам, по глоссам, по характеристикам якоря и др. Благодаря разметке осуществляется поиск конструкций, похожих по формальным и семантическим свойствам. Конструкциям придаются толкования, английские и норвежские аналоги, примеры употребления, частотные заполнители слотов, ссылки

на имеющиеся лингвистические описания, уровень освоения русского языка, которому соответствует конструкция и проч. «Русский Конструктикон» создавался для пользователей-неспециалистов, например для студентов, изучающих русский язык как иностранный, однако за счет особенностей разметки и интерфейса может быть использован в качестве инструмента для лингвистических исследований.

В процессе создания «Русского Конструктикона» наряду с самими конструкциями были выявлены особые классы неоднословных языковых единиц, которые не содержат видимых слотов. К первому классу относятся реакции на высказывания собеседника с сильным оценочным компонентом. В самом обобщенном виде они интерпретируются как положительный или отрицательный ответ, ср: *А как же! Еще как!* (положительная реакция: ДА) или *Еще чего! Как бы не так!* (отрицательная реакция: НЕТ). Этот класс получил название «дискурсивные формулы» (Рахилина и др., 2021) (ср. близкий термин для похожих единиц в (Баранов, Добровольский, 2008) — «речевые формулы»). Такое название отражает главные особенности входящих в него единиц: они представляют собой реакцию на вербальный стимул и являются фиксированными, то есть не содержат переменных «на поверхности».

Второй класс единиц, обнаруженный в ходе разработки «Русского Конструктикона», получил название «рутины». Рутинны также не содержат внутренних слотов, но, в отличие от дискурсивных формул, реагируют не на реплику собеседника, а на конкретный невербальный стимул, ср. *Не прошло и года!* как реакция на появление человека, который слишком долго отсутствовал. Оба типа фразем за счет своей идиоматичности попадают под определение конструкций, но их якорь составляет полное предложение и не допускает переменных, а только небольшую вариативность внутри себя — эта характеристика не позволяет отнести их к прототипическим конструкциям. В терминах Грамматики конструкций такие фраземы могут быть описаны как расщепленные: якорным элементом является сама изолированная формула, а переменной — предшествующий контекст, то есть реплика собеседника или стимульная ситуация — в зависимости от типа фраземы (Рахилина и др., 2022).

Как уже было сказано, в «Русский Конструктикон» входят конструкции с квазиграмматическим значением. У дискурсивных формул и рутин значение скорее прагматическое, для их описания важны параметры, связанные со статусом участников, их намерениями, ожиданиями и отношением к ситуации. Для рутин эти характеристики — ключевые, поскольку они отражают функциональные противопоставления внутри подклассов: так, например, рутинны *Какие люди!* и *Опять ты!* могут обе использоваться в качестве реакции на неожиданную встречу, но в первом случае говорящий испытывает радость, а во втором — раздражение. Кроме того, важным параметром оказывается временная локализация предыдущего контакта между участниками коммуникации относительно текущей ситуации общения: рутинна *Какие люди!* представляет собой реакцию на встречу после долгой разлуки,

Опять ты! — наоборот — скорее указывает на то, что говорящий с адресатом виделись недавно. Для дискурсивных формул, соответственно, важен не тип стимульной ситуации, а тип стимульного речевого акта. Таким образом, рассмотренные классы фразем служат естественным дополнением к «Русскому Конструктikonу», но не могут быть описаны с помощью той разметки, которая была разработана для прототипических конструкций. В частности, для определения дискурсивных формул и рутин важна прагматика, а в «Русском Конструктиконе» отдельные поля с прагматической информацией не предусмотрены — она приводится в комментариях. Поэтому для каждого из этих двух классов формул пришлось разработать собственную базу.

«Прагматикон» (pragmaticon.ruscorgo.ru; (Яскевич и др., 2022); ср. также родственный проект — мультязычную базу «Мультипрагматикон» (Buzanov et al., 2022)) — база, которая коллекционирует дискурсивные формулы. В нее вошли около 600 единиц, часть которых была получена из списков единиц, обнаруженных еще на этапе работы над «Русским Конструктikonом», часть собрана вручную или с помощью автоматической обработки драматических текстов (Пужаева и др., 2018).

В «Прагматиконе» в основе семантико-прагматической классификации дискурсивных формул лежат три параметра: их прагматическая функция, семантические теги, типы стимульного речевого акта. Прагматические функции реплик-ответов сводятся к 10 типам: подтверждение; согласие; разрешение; отрицание; отказ; запрет; удивление; безразличие; оценка собеседника; переспрос. Семантические теги служат для описания оппозиций внутри прагматических классов, а также спецификации вторичных семантических компонентов (например, положительная или отрицательная оценка); типы речевого акта представляют собой стимульные контексты, на которые может реагировать формула (например, мнение, вопрос или просьба). Все три поля тесно взаимосвязаны: так, например, реакция на стимульную реплику типа «новость» часто будет реализовываться дискурсивными формулами, принадлежащими к классу «удивление», а их разметка будет сопровождаться дополнительными семантическими тегами, такими как недоверие, принятие, осознание, положительная или отрицательная оценка. Помимо семантико-прагматической разметки, для каждой дискурсивной формулы указаны невербальные компоненты, сопровождающие высказывание: интонация и жесты; как и в «Русском Конструктиконе», даются иллюстрации из НКРЯ, в том числе видеоклипы из МУРКО, а также аналоги из других языков.

3. «Рутиникон»: цели, задачи и материал

Как следует из всего вышесказанного, база «Рутиникон» создавалась с учетом того опыта, который разработчики приобрели при работе над «Русским Конструктikonом» и «Прагматиконном». В нее вошли стан-

дартные вербальные реакции на очень конкретную экстралингвистическую ситуацию (Buchkova et al., 2024). Разработка базы предполагала следующие этапы:

- найти как можно больше разных по форме и по функции рутин;
- разработать структуру разметки и требования к представлению формул в базе;
- внутри отдельных полей определить теги, которые лягут в основу поиска по базе и будут служить для сбора новых единиц;
- выявить параметры, потенциально значимые для типологического сопоставления.

Достижение первой цели — поиск рутин — оказалось сопряжено с рядом проблем. Во-первых, для этого класса фразем нет полных исходных списков: первоначально у нас были только те материалы, которые не вошли в базы «Русский Конструктикон» и «Прагматикон», и рутины из области вежливости, которые собирались исследователями (ср.: Балакай, 2001) (но для целей базы такие списки всегда недостаточно точно собраны и расклассифицированы), а также работы, посвященные речевому этикету (ср., напр., статьи в уже упомянутых сборниках (Rasmus Rask..., 1981; Aijmer, 2014), а также (Амека, 1987)). Таким образом, данные необходимо было собирать практически с нуля. Во-вторых, рутины очень разнообразны по форме, в отличие от дискурсивных формул, и у них нет яркого набора формальных признаков, как, например, почти обязательные частицы в составе. Часто они совпадают с композиционными частями предложения: по запросу «Опять ты» к Google Books или другим ресурсам находятся, например, *Опять ты пришел невовремя*. Все это затрудняет автоматический поиск таких данных (Пужаева и др., 2018). Между тем рутин не так много, как конструкций и дискурсивных формул, и поиск их вручную оказывается более трудоемким и времязатратным. Наконец, в том, что касается поиска коррелятов в других языках, мы сталкиваемся с общей проблемой для всей фразеологии: недостаточный для этой задачи объем параллельных корпусов не позволяет обнаружить их переводные эквиваленты простым поиском по корпусу. Необходимо строить анкеты и опрашивать носителей, а также разрабатывать новые типологические варианты баз.

В пилотную версию «Рутиникона» вошли 80 русских рутин. Часть из них была получена на основе первичных списков для «Русского Конструктикона» и «Прагматикона», в то время как остальные были собраны вручную на материале комиксов, субтитров к известным фильмам, а также подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в частности Мультимедийного подкорпуса. Те же ресурсы в сочетании с параллельными корпусами на базе НКРЯ использовались для поиска итальянских коррелятов, то есть похожих по функции и форме итальянских рутин. Все задействованные источники оказались продуктивными в контексте поиска отдельных категорий рутин. Например, субтитры к фильмам и сериалам позволили обнаружить рутины, связанные с определенной сферой взаимодействия (например, офисная коммуникация). Драматические тексты позволили расширить список ру-

тин речевого этикета, хотя многие из них вышли из употребления. С помощью комиксов были обнаружены формулы, не привязанные к конкретной сфере употребления и не принадлежащие к зоне вежливости. Дополнительный метод расширения подклассов рутин внутри отдельного языка предполагает работу с самой базой данных: выбирается определенное поле разметки и осуществляется интроспективный поиск рутин, у которых выбранное поле заполняется так же. Этот подход использовался при расширении выборки для «Русского Конструктикона» (Endresen et al., 2023).

4. «Рутиникон»: разметка

Аннотация каждой рутины содержит следующие функциональные характеристики: структура ситуации; прагматика; сфера употребления; условия употребления; тип ситуации; краткое текстовое описание. Поскольку рутины всегда используются в рамках определенной экстралингвистической ситуации, в основе разметки лежит параметр *структура ситуации*. Каждая формула принадлежит к одному из четырех типов: реакция, побуждения, реакция-побуждение, сопровождение к действию. Типы выделены на основе того, как рутина и событие, с которым непосредственно связано ее употребление, соотносятся хронологически. Так, *реакции* предполагают наличие стимула, то есть некоторого события, предшествовавшего произнесению рутины и вызвавшего эту вербальную реакцию. Например, стимул «неожиданная встреча» может вызвать рутину-реакцию *Какие люди!* Как правило, стимульное событие связано с поведением других участников ситуации или некоторыми внешними обстоятельствами и не может быть инициировано самим говорящим. В случае с *побуждением* некоторое событие является ожидаемым эффектом побудительной формулы; оно следует за произнесением рутины. Например, рутина-побуждение *Можно вас на минуточку?* имеет ожидаемый эффект «адресат перемещается в другое пространство для содействия говорящему». Для *реакций-побуждений* необходимы оба события: и предшествующее и последующее. Например, рутина *Куда собрался?* предполагает стимульную ситуацию «адресат пытается сбежать» и ожидаемый эффект «адресат возвращается». Если одновременно с произнесением рутины говорящий выполняет некоторое действие, эта рутина попадает в класс *сопровождений к действию*. Например, рутина *Я мигом!* сопровождает уход говорящего: говорящий предупреждает о нем уже уходя.

Каждый тип сопряженного с рутинной события (*стимул, ожидаемый эффект, действие говорящего*) формирует отдельное поле внутри разметки, причем для конкретной рутины заполняются только те поля, которые релевантны для структуры соответствующей ситуации. Например, для реакций — это стимул, но не ожидаемый эффект, для побуждений — это ожидаемый эффект, но не стимул, для реакций-побуждений — и то, и другое (табл. 1). Внутри поля «Структура ситуации» экстралингвистические события, соответствующие стимулам, эф-

фактам и действиям говорящего, классифицируются с помощью особой системы тегов, которые называют то, что в реальности происходит: «встреча», «передача предмета», «увеличение физической дистанции между участниками ситуации» и т. д.

Таблица 1

Поля базы данных, релевантные для разных типов структуры ситуации

Структура ситуации	Стимул	Ожидаемый эффект	Действие говорящего
Реакция (<i>Какие люди!</i>)	+	-	-
Побуждение (<i>Можно вас на минуточку?</i>)	-	+	-
Реакция-побуждение (<i>Куда собрался?</i>)	+	+	-
Сопровождение к действию (<i>Я мигом!</i>)	(+)	(+)	+

Классификация рутин на основе их функций представлена в поле *прагматика*. Значения этого параметра, как правило, задаются структурой ситуации и событиями, с которыми непосредственно связана рутина. Ближе всего эти значения к типам речевых актов, которыми являются соответствующие рутины, — а тип речевого акта, конечно, коррелирует со структурой ситуации в целом. Например, прагматический класс «приветствие» характерен для *реакций*, стимулом для него служит ситуация «встреча». Однако для целей эффективной классификации и разметки реальных формул русского языка приходится понимать речевые акты расширительно — в частности потому, что в этой зоне языка они оказываются тесно связаны с эмоциями. Учет этого обстоятельства делает классы более дробными и менее стандартными с точки зрения канонов Остина — Серля и их последователей (Searle, 1976; Austin, 1975; Pragmatics..., 2013; Croft, 1994; Sadock, Zwicky, 1985). Так, *рутины-реакции* очень часто включают в себя эмоции: например, рутина *Как тебе не стыдно* — «упрек» как речевой акт выражает еще и раздражение. При этом эмоцию, если она есть, не всегда легко отделить от основной прагматики: *Так ему и надо* входит в класс «злорадство» с сильной сопутствующей эмоцией, которая уже встроена в имя прагматического класса. В каких-то случаях эмоция может составлять суть прагматики, а не добавку к ней. Ср. рутину *Опять ты!*, которой в базе приписан прагматический тег «раздражение». Заметим, что уже имеющийся материал позволяет видеть своего рода эмоциональные минимальные пары, когда рутины, предполагающие одно и то же стимульное событие, получают в базе разные прагматические теги на основе эмоций, с которыми они ассоциированы. Так, стимул «встреча», с одной стороны, релевантен для рутины *Опять ты!* с прагматическим тегом «раздражение», а с другой — для рутины *Какая встреча!* с прагматическим тегом «радость».

Для *побуждений* характерны прагматические типы «инициация общения», как, например, *Эй ты!* и «просьба о помощи или содействии», ср. уже упомянутое *Можно вас на минуточку?* В целом рутины-побуждения выражают императивную, а не прохибитивную семантику, поскольку прохибитив предполагает наличие предшествующего события, которое бы провоцировало использование рутины. Именно поэтому с запретом или угрозой так часто связаны *реакции-побуждения*, которые такое событие-стимул всегда включают, ср.: *Далеко пошел?* или *Пошел отсюда!* В обоих случаях стимулом является нежелательное для говорящего поведение собеседника — это объясняет теги «приказ» / «запрет» / «угроза» в поле «прагматика». При этом предполагаемый эффект, соответствующий этим двум рутинам, — противоположный: в первом случае говорящий хочет, чтобы его партнер по коммуникации прекратил движение из того пространства, где они оба находятся, во втором, наоборот, — чтобы он это пространство покинул. Обратим внимание, что ожидаемый эффект не всегда подразумевает какое-то конкретное действие со стороны собеседника. Среди прагматических типов, характерных для *реакций-побуждений*, есть такой, который мы сформулировали как «запрос на получение дополнительной информации». Хорошей иллюстрацией для него является рутинка *Кто это вас так?*, которая одновременно указывает на заботу о собеседнике (эмоция) и любопытство говорящего. Ожидаемый эффект здесь — это не физическое действие собеседника в собственном смысле, а реплика, содержащая ответ на вопрос. Поскольку мы имеем дело с рутинками, реплика для них может быть только эффектом и не может быть стимулом — рутины реагируют не на дискурс, а на действия окружающих. Однако и у стимулов-действий могут быть свои особенности. Например, на месте ожидаемого *действия* в реальности может оказаться *бездействие*. Такова, например, рутинка *Ну что же вы стоите?*, тоже из класса реакций-побуждений: говорящий одновременно реагирует на стимул и хочет добиться определенного эффекта. Стимулом для нее, однако, является не действие, а бездействие партнеров по коммуникации, и говорящий пытается сделать так, чтобы они приступили к действиям, которые он считает безотлагательными².

Для разметки реакций-побуждений как класса формул такие нюансы непринципиальны: и физические действия, и реплики, и бездействия в базе попадают в соответствующее поле (в данном случае поле «стимул») и уже там могут описываться более детально. Но для нашего представления о сложности прагматических единиц это важно. Зато при произнесении рутин, принадлежащих к подклассу *сопровождение к действию* всегда подразумевается реальное действие говорящего. В самом деле, их прагматическое описание строится именно на действии, которое совершает говорящий параллельно с произнесением

² Сюда же будет относиться *Ну что же вы стоите?*, представляющее собой приглашение войти в помещение, принадлежащее говорящему, или сесть за стол.

рутины. Самые распространенные действия — это собственное движение, как в уже упоминавшемся *Я мигом!* или манипуляции с объектами, ср., например, рутину *Не стоило*, которая может использоваться при получении подарка.

Бесспорно, параметры, непосредственно связанные со структурой ситуации и прагматическими классами, являются основными и определяют формулу-рутину в целом. Однако существенны и другие, менее базовые поля, которые уточняют прагматику рутины: «условия употребления», «сфера употребления» и «тип ситуации».

Условия употребления — это разного рода пресуппозиции, связанные с иерархией участников ситуации, с локализацией ситуации во времени и пространстве и др., определяющие использование рутины. Например, рутинa *Эй ты!*, иницирующая общение, предполагает, что статус адресата не выше статуса говорящего и что участники ситуации находятся на некотором расстоянии друг от друга.

Поле *сферы употребления* заполняется для тех рутин, которые используются только внутри ситуации, принадлежащей к определенной экстралингвистической сфере (например, рутинa *Ко мне!* → сфера употребления «дрессировка собак», рутинa *За счет заведения* → сфера употребления «ресторан»).

Тип ситуации представляет собой набор тегов, с помощью которых рутинам присваивается общая категория. В этом поле не используются какие-либо лингвистические термины, поскольку оно создавалось в первую очередь для пользователей-неспециалистов — для того, чтобы упростить поиск по базе. В то же время «типы ситуации» могут быть полезны и для разметчиков, поскольку они позволяют выявить отличительные особенности отдельной рутины путем сравнения этой рутины с другими. Например, рутины *Какие люди* и *Эй ты*, относящиеся к разным подклассам с точки зрения структуры ситуации (реакция vs. побуждение), будут объединять тег «начало коммуникации».

Каждая рутинa сопровождается *кратким текстовым описанием* соответствующей ситуации, которое призвано обобщить простым языком содержание всех полей, а также примерами из НКРЯ, иллюстрирующими особенности ее употребления, видеоклипом (как правило, короткая сцена из фильма) и аудио с произнесением рутины. Ср. краткое текстовое описание для рутины *Какие люди* (5) и корпусные примеры (6–8):

(5) *Какие люди*: «Говорящий встречает человека, которого давно не видел и не ожидал увидеть».

(6) — *Какие люди!* — искренне радовался Валентин Андреевич. — Сколько лет, сколько зим! Галка, ты все такая же красавица, только в сто раз лучше! [Марина Полетика. Однажды была осень (2012)].

(7) Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал: — О! *Какие люди!* Сидят, как два воробья на веточке! [Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Что любит Мишка (1963)].

(8) — О, *какие люди!* *Какие люди!* — весело заговорил Кулиев, увидев подшедшего Нагаева. [Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959–1962)].

Отметим, что структура разметки, лежащая в основе «Рутиникона», содержит параметры, предложенные Филлмором в пилотной работе о прагматических конструкциях (Fillmore, 1984). Совпадающие или пересекающиеся поля представлены в таблице 2.

Таблица 2

Разметка, предложенная Филлмором vs. разметка в «Рутиниконе»

(Fillmore, 1984)	(Bychkova et al., 2024)
событие, спровоцировавшее употребление формулы	стимул (специфицирован для рутин-реакций и реакций-побуждений)
отношение участников диалога к ситуации	условия употребления, прагматика
как употребляется формула	сфера употребления

Первое сходство в наборах параметров связано со структурой ситуации: употребление рутин действительно, как и полагал Филлмор, часто предваряется и мотивируется невербальным стимулом. Рутины такого типа относятся сразу к двум классам — *реакциям* и *реакциям-побуждениям*; если учесть, что класс «сопровождение к действию», видимо, довольно малочислен, то это делает соответствующий параметр действительно самым заметным. Поскольку материал в работе Филлмора был самым начальным и очень фрагментарным, его выборка включала в себя преимущественно формулы-реакции, и в описании отсутствуют рутинны других типов, которые, как мы видели, устроены иначе.

Второй параметр, предложенный Филлмором, он назвал «отношение участников диалога к ситуации» — в терминах нашей разметки он частично пересекается с полем «условия употребления». Сюда попадают не только ограничения, связанные с социальной иерархией участников, но и разного рода интенции. Например, произнося *Я мигом / Я щас* и подобные им формулы, говорящий не просто уходит, но оставляет партнера по коммуникации с намерением вернуться к нему в ближайшее время. Таким образом, произнося формулу-рутину, он в частности проявляет заботу о собеседнике — как бы заверяет собеседника в том, что его отсутствие будет недолгим. В это же поле у Филлмора попадают эмоции, которые выражаются с помощью рутин. Например, для *It's not what you think* 'Это не то, что вы подумали' отмечает как эмоциональный фон «смущение, желание оправдаться». В «Рутиниконе», как мы уже обсуждали, эмоциональная составляющая размещается в поле «прагматика», так что прагматическое описание *рутин-реакций* совмещает в себе теги, указывающие на их функцию (часто тип речевого акта), и теги-эмоции. Например, для рутины *На счастье*, которая используется в качестве реакции на разбившуюся посуду, это и «пожелание» / «утеше-

ние», и «радость». Собственно, в примере Филлмора с *It's not what you think* мы видим тот же эффект: оправдание может рассматриваться как полноценный лингвистически релевантный речевой акт, а смущение — как сопровождающая его эмоция.

Третье сходство касается ограниченной области употребления рутины — в «Рутиниконе» описание соответствующих условий попадает в поле «сфера употребления». Филлмор отмечает, что для описания некоторых формул такие условия особенно важны (Fillmore, 1984). Сам он приводит в пример выражение *I'll tell you what I'm gonna do* (букв. 'Я скажу тебе, что я собираюсь делать'), которая, как правило, используется продавцом в процессе торга при попытке установить финальную цену на товар. Таким образом, торг оказывается для этой рутины специализированной сферой употребления — и так описывался бы в базе «Рутиникон». Таких узких областей, для которых характерны специальные устойчивые формулы, довольно много: это и уже упомянутая дрессировка собак (*фу, нельзя, апорт*); и детские игры (*Я в домике, Я так не играю, Можно с вами?*); и контексты, связанные с армией или полицией (*Всем оставаться на местах, Руки вверх*). Однако значительная часть рутин все же не ограничена и поэтому поле «сфера употребления» неприменимо к самым частотным обыденным общезначимым формульным выражениям, часто пустует и заполняется только для тех рутин, для которых оно релевантно.

5. «Рутиникон»: потенциал для сопоставления языков и конструкционной типологии

Традиционная фразеология фокусируется на описании устойчивых сочетаний внутри одного языка, в том числе на выделении параметров, которые позволили бы отделить один фразеологический класс от другого. Цифровизация дает возможность не только приблизиться к решению этих задач, но и выйти на типологический уровень, то есть понять, насколько эти параметры универсальны, а классы — типологически существенны. «Русский Конструктикон» и родственные проекты, например мультиязычная база дискурсивных формул «Мультипрагматикон», создавались как ресурсы, пригодные для типологических исследований (в первую очередь для этого в обоих ресурсах для каждой единицы представлены глоссы). Точно так же и разметка в Рутиниконе задумана как типологически ориентированная. В настоящей работе в качестве примера того, что выбранная нами разметка дает определенные преимущества для сопоставления рутин двух языков, мы используем итальянский материал. Так, на основе базы удалось выявить похожие по функции рутины в русском и итальянском с разными источниками прагматикализации (Diewald, 2011; Degand, Evers-Vermeul, 2015) — в нашем случае, превращения свободного композиционного сочетания в формульную единицу-рутину. Некоторые примеры представлены в таблицах 3–6.

говорящего, не должен находиться. Эта семантика хорошо соотносится с функцией рассматриваемой рутины и объясняет ее структуру. В ситуации неожиданной встречи слоты X и Y естественно заполняются дейктическими местоимением и наречием, которые закрепляются в этой позиции, образуя рутину. Таким образом, сходство русской и итальянской рутин на формальном и функциональном уровнях, вероятно, связано не с непосредственным калькированием, а с некоторыми обще-европейскими моделями.

Неполное совпадение формы у семантически близких рутин представляет особый интерес: близкие по форме рутины — например, отличающиеся только на один элемент — легче сравнивать, чтобы понять, чем вызвано формальное расхождение. Примером такого рода может служить группа рутин, реагирующих на долгое отсутствие некоторого субъекта: в русском, помимо практически композиционной *Да где же он / она?*, в этой ситуации используются рутины с глаголами исчезновения — например, с почти вышедшим из употребления *запропасться* или разговорным *подеваться*: *Куда это он запропастился / подевался?* В аналогичной итальянской конструкции на их месте выступает глагол *finire* с основным значением ‘кончаться, заканчиваться’.

рус. *Куда это он запропастился / подевался / пропал?*

итал. *Dov'è finito?*

dove	è	finit-o
где	СОР.3SG	заканчиваться. PPRT-M. SG
‘Где он закончился?’		

Понятно, что ситуация, когда некоторый участник внезапно исчезает из поля зрения говорящего, воспринимается им как неуправляемая — и предикаты, которые ее кодируют, должны быть неконтролируемы. Оба выбранных семантических типа предиката — русские глаголы исчезновения и итальянский *finire* таковы: они выражают отсутствие намеренного действия и непрогнозируемый результат (Givón, 1975; Бульгина, 1982; Зализняк, 1992). С точки зрения акциональности и тот и другой обозначают точечные события, наступившие как результат каких-то предшествовавших ситуаций. Наконец, семантически они тоже близки: и ‘исчезнуть’, и ‘закончиться’ выделяют некоторую точку на временной шкале, отражающей развитие некоей объемлющей ситуации; шкала показывает, как сначала субъект имелся в некотором пространстве, а потом, после того, как эта выделенная точка пройдена, в нем отсутствует. Получается, что лексический выбор неслучаен: предикаты с такой семантикой можно считать квазисинонимами.

Большую сложность представляет случай с полным совпадением по форме и частичным совпадением функции. Рассмотрим его здесь на примере максимально коротких рутин — русской и итальянской:

рус. Дай сюда
итал. *Dai qua/qui*
da-i   qui/qua
давать-IMP.2SG   здесь=сюда

Обе рутины связаны со следующим ожидаемым эффектом после произнесения рутины: партнер по коммуникации передает говорящему некоторый объект. В русском языке эта формула звучит грубо и даже ультимативно; кажется, что, если требование не выполнить, последует наказание:

(9) — *А ну перестань!* — оборвал ее Нейман и стукнул кулаком по столу. — *Дай сюда эту гадость.* — Он вырвал пакет и отбросил его на тахту. — *Ах ты сумасшедшая дура,* — выругался он [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

(10) «*Дай сюда*», — хрипло потребовал тренер, зыркнув на Ведерникова через зеркало заднего вида [О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)].

(11) *Компаньонка как бы невзначай потянула к себе подарок седого тюленя, но Элька сказала: — Дай сюда. Это мне подарили* [М. Галина. Солнцеворот (2013)].

Корпусный анализ показывает, что русская рутина принадлежит к подклассу *реакций-побуждений*, поскольку для ее употребления оказывается значим не только предполагаемый эффект, но и стимул: некоторый объект, по мнению говорящего, не должен находиться в руках у собеседника и тем не менее оказывается там. Именно потому, что он там «незаконно» находится, говорящий требует его себе — так что в русском фактически это требование возврата, а не просто передачи объекта. Между тем, согласно результатам опроса пяти носителей итальянского языка и корпусному анализу контекстов употребления рутины *dai qua*, она не расценивается как грубая, скорее просто как неформальная (ограничения на регистр в нашей системе описания часто связаны с иерархией участников ситуации — см. поле «условия употребления»). При этом, по-видимому, в структуре соответствующей ситуации отсутствует стимул как обязательный компонент — значит, итальянская рутина принадлежит к подклассу *побуждений*. Отсутствие прагматики грубости и компонента «раздражение» иллюстрируют следующие итальянские примеры (12–14):

(12) *Ti avevo riconosciuto subito! Dai qua che ti faccio una fotografia.*
[<http://www.psychomedia.it/cine@forum/report/marchiori1.htm>]

<i>ti</i>	<i>avev-o</i>	<i>riconosciut-a</i>	<i>subito</i>
PRON.2SG. ACC	иметь. PST-IPFV-1SG	узнать. PPRТ-F. SG	сразу
<i>da-i</i>	<i>qua</i>	<i>che</i>	<i>ti</i>
давать-IMP.2SG	сюда	CONJ	PRON.2SG. DAT
<i>faccio</i>	<i>una</i>	<i>fotografi-a</i>	
делать. PRS.1SG	ART.F	фотография-F. SG	

‘Я тебя сразу же узнал. Дай сюда, я тебя сфотографирую’.

(13) *Dai qui, dolcezza. Lascia che lo porti io.* [<https://percyjacksonitalia.wordpress.com/>]

<i>da-i</i>	<i>qui</i>	<i>dolcezz-a</i>	<i>lasci-a</i>
давать-IMP.2SG	сюда	дорогуша-F. SG	оставлять-IMP.2SG
<i>che</i>	<i>lo</i>	<i>port-i</i>	<i>io</i>
CONJ	PRON.3SG. M. ACC	нести-SBJV.1SG	PRON.1SG. NOM

‘Дай сюда, милая. Дай мне понести’.

(14) *Dai qua che lo faccio io, tu sei stanca.* [<http://www.raccontinellarete.it/?p=18818>]

<i>da-i</i>	<i>qua</i>	<i>che</i>	<i>lo</i>
давать-IMP.2SG	сюда	CONJ	PRON.3SG. M. ACC

<i>faccio</i>	<i>io</i>	<i>tu</i>	<i>sei</i>
делать. PRS.1SG	PRON.1SG. NOM	PRON.2SG. NOM	COP.2SG
<i>stanc-a</i>			
уставший. ADJ-F. SG			

‘Дай сюда, я сам. Ты устала’.

Таким образом, несмотря на то что по форме рутины в разных языках являются полными аналогами, в каждом из языков за ними может стоять своя внеязыковая ситуация, а значит, при классификации они окажутся в разных подклассах. В данном случае привлечение аналогичного материала другого языка, причем так же структурированного, позволяет выявить и дополнительные параметры описания рутин, и новые противопоставления между их классами и внутри классов, которые при внутриязыковом анализе были невидны или нерелевантны.

6. Заключение

Задача статьи — описание особого класса фразеологических единиц, получивших название «рутины»; их употребление напрямую связано с определенной экстралингвистической ситуацией. Мы обратили внимание на необычность этого класса как такового и на его отличия от формул вежливости — близких к рутинам с точки зрения структуры ситуации и прагматики — и описали процесс сбора языкового материала, классификация и описание которого строится параллельно с созданием специализированной базы данных «Рутиникон», продолжающей проекты «Русский Конструктикон» и «Прагматикон». Особенность разметки (подробно описанной в статье) в том, что она сразу ориентирована на сопоставление материала разных языков, несмотря на то что материал еще недостаточно представителен, а классификация — недостаточно разработана, чтобы предложить хотя бы фрагмент типологической анкеты. Иллюстрации, которые предложены в разделе 5, продолжают наши исследования конструкций в сопоставительном ключе и поиски оснований для их типологизации с учетом и семантики, и структуры конструкции, которые были начаты (Bychkova, Rakhilina, 2023) и (Rakhilina, Uhlik, 2020) — на другом материале.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Список источников и литература

Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М., 2022.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / под ред. О.Н. Селиверстовой. М., 1982. С. 7–85.

Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под рук. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., доп. и испр. М., 2004.

Пужаева С.Ю., Герасименко Е.А., Захарова Е.С., Рахилина Е.В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, №2. С. 5–18. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-5-18>.

Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория. Дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. №2. С. 7–27. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27>.

Рахилина Е.В., Жукова В.А., Демидова Д.А., Кудрявцева П.С., Розовская Г.П., Эндресен А.А., Янда Л.А. Фразеология в ракурсе «Русского конструктикона» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. №2 (32). С. 13–44. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.2.2>.

Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2010. С. 18–79.

Яскевич А.А., Бычкова П.А., Слепак Е.А., Рахилина Е.В. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова 2022. №2 (32). С. 45–62. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.2.3>.

Aijmer K. Conversational routines in English: Convention and creativity. L.; N. Y., 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315845128>.

Ameka F. A. Comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe // Journal of Pragmatics. 1987. Vol. 11. P. 299–326. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(87\)90135-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(87)90135-4).

Austin J. L. How to do things with words. Oxford, 1975.

Barotto A., Mauri C. Constructing lists to construct categories // Italian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 30, №1. С. 95–134. <https://doi.org/10.26346/1120-2726-117>.

Benigni V., Cotta Ramusino P. M., Mollica F., Schafroth E. How to apply CxG to phraseology: a multilingual research project // Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 11, №3. P. 275–288. <https://doi.org/10.3844/jsssp.2015.275.288>.

Boas H. C., Ziem A. Constructing a constructicon for German // Constructicography: Constructicon development across languages / ed. by B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. T. Torrent. Amsterdam, 2018. P. 183–228. <https://doi.org/10.1075/cal.22.07boa>.

Buzanov A., Bychkova P., Molchanova A., Postnikova A., Ryzhova D. Multilingual Pragmaticon: Database of discourse formulae // Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference. Marseille, 2022. P. 3331–3336.

Bychkova P., Rakhilina E. V. Towards pragmatic construction typology: The case of discourse formulae // *Discourse phenomena in typological perspective* / ed. by A. Barotto, S. Mattioli. Amsterdam, 2023. P. 35–63. <https://doi.org/10.1075/slcs.227.03byc>.

Bychkova P., Yaskevich A., Gyulasaryan S., Rakhilina E. V. Building a Database of Conversational Routines // *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*. Torino, 2024. P. 2548–2555.

Croft W. Speech act classification, language typology and cognition // *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S. L. Tsohatzidis. L., 1994. P. 460–477.

Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers?: More than a terminological issue // *Journal of Historical Pragmatics*. 2015. Vol. 16, №1. P. 59–85. <https://doi.org/10.1075/jhp.16.1.03deg>.

Diewald G. Grammaticalization and pragmaticalization // *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford, 2011. P. 450–461. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0036>.

Endresen A. A., Janda L. A. Taking Construction Grammar one step further: Families, clusters, and networks of evaluative constructions in Russian // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1–22. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.574353>.

Endresen A., Janda L. A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From a list into a network: Growing the Russian Constructicon via research on families of constructions // *Constructing constructicons: Issues, approaches and cross-linguistic perspectives* / ed. by A. Ziem, A. Willich, S. Michel. Amsterdam, 2025 (в печати).

Fillmore C. J. Remarks on contrastive pragmatics // *Contrastive linguistics: Prospects and problems* / ed. by J. Fisiak. Amsterdam, 1984. P. 119–141.

Fillmore C. J. Border conflicts: FrameNet meets construction grammar // *Proceedings of the XIII EURALEX international congress*. Barcelona, 2008. Vol. 4968. P. 49–68.

Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone* // *Language*. 1988. Vol. 64, №3. P. 501–538. <https://doi.org/10.2307/414531>.

Fillmore C. J., Lee-Goldman R., Rhodes R. The FrameNet constructicon // *Sign-based construction grammar* / ed. by H. C. Boas, I. A. Sag. Stanford, 2012. P. 309–372.

FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/luIndex> (дата обращения: 09.08.2024).

Givón T. Cause and control: on the semantics of interpersonal manipulation // *Syntax and Semantics*. 1975. Vol. 4. P. 59–89.

Hoffmann T., Trousdale G. *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford; N. Y., 2013.

Janda L., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. V. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon // *Constructions and Frames*. 2023. Vol. 15, №1. P. 1–58. doi: 10.1075/cf.00066.jan.

Janda L., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F. M. A constructicon for Russian // *Constructicography: Constructicon development across languages* / ed. by B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. T. Torrent. Amsterdam, 2018. P. 165–182. <https://doi.org/10.1075/cal.22.06jan>.

Kay P., Fillmore C. J. Grammatical constructions and linguistic generalizations: The 'What's X doing Y?' construction // *Language*. 1999. Vol. 75. P. 1–33.

Ohara K. H. Toward constructicon building for Japanese in Japanese FrameNet // *Veredas – Revista de Estudos Linguísticos*. 2013. Vol. 17, №1. P. 11–28.

Orlov A., Butenko Z., Demidova D. et al. Russian Constructicon 2.0: New features and new perspectives of the biggest Constructicon ever built // Proceedings of the International Conference "Dialogue". 2023. Vol. 2023. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-378-385>.

Pragmatics of speech actions / ed. by M. Sbisà, K. Turner. Berlin, 2013. <https://doi.org/10.1515/9783110214383>.

Rakhilina E. V., Uhlik M. Construction Grammar and Slavic // Encyclopedia of Slavic languages and linguistics online / ed. by M. Greenberg, L. Grenoble. Leiden, 2020. https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_032441.

Rasmus Rask *Studies in Pragmatic Linguistics* / ed. by F. Coulmas. Mouton, 1981. Vol. 2: Conversational Routine.

Sadock J.M., Zwicky A.M. Speech act distinctions in syntax // *Language Typology and Syntactic Description*. 1985. Vol. 1. P. 155–196.

Searle J.R. A classification of illocutionary acts // *Language in Society*. 1976. Vol. 5. P. 1–23.

Sköldberg E., Bäckström L., Borin L. et al. Between grammars and dictionaries: A Swedish constructicon // *Electronic lexicography in the 21st century: thinking outside the paper: Proceedings of the eLex 2013 conference, 17–19 October 2013, Tallinn, Estonia*. Ljubljana; Tallinn, 2013. P. 310–327.

Torrent T.T., Meireles Lage L., Sampaio T.F., T. da Silva Tavares, E.E. da Silva Matos. Revisiting border conflicts between FrameNet and construction grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese constructicon // *Frames, Constructions, and Computation*. 2014. Vol. 6. P. 34–51. <https://doi.org/10.1075/cf.6.1.03tor>.

Аббревиатуры

1, 2, 3 – лицо, adj – прилагательное, adv – наречие, aprt – активное причастие, art – артикль, conj – союз, cop – копула, dat – дательный падеж, f – женский род, imp – императив, inf – инфинитив, ipfv – имперфектив, m – мужской род, poss – притяжательное местоимение; prep – предлог, pron – личное местоимение, prs – настоящее время, ptcl – частица, pprt – пассивное причастие, refl – рефлексив, sbjv – сослагательное наклонение, sg – единственное число.

Об авторах

Екатерина Владимировна Рахилина, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-7126-0905

E-mail: rakhilina@gmail.com

Серафима Максимовна Гюласарян, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Университет Ка' Фоскари, Венеция, Италия.

E-mail: gyserafima@gmail.com

Полина Андреевна Бычкова, аспирант, Университет Любляны, Любляна, Словения.

E-mail: polyatomson@gmail.com

Для цитирования:

Рахилина Е. В., Гюласарян С. М., Бычкова П. А. Прагматика в цифровую эпоху: база данных «Рутиникон» // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 28 – 52. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

PRAGMATICS IN THE DIGITAL AGE:
THE ROUTINICON DATABASE

Ekaterina V. Rakhilina^{1, 2}, *Serafima M. Gyulasaryan*^{2, 4}, *Polina A. Bychkova*³

¹ Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

² HSE University,

11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia

³ University of Ljubljana,

12 Kongresni Trg., 1000, Ljubljana, Slovenia

⁴ Ca' Foscari University of Venice,
Dorsoduro 3246, 30123 Venice, Italy

Submitted on 09.09.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2

This study focuses on the Routinicon database as a digital tool for describing routines – a distinct class of formulaic phraseological units that represent reactions to or comments on standard extralinguistic situations. For instance, the formula Kogo ya vizhu! (Whom do I see!) serves as a reaction to an unexpected meeting, while Kto tam? (Who's there?) is a standard formulaic reaction to a knock at the door. The collection, classification and study of units of this kind is of undoubted interest both from the point of view of discourse theory and pragmatics, and from the point of view of the practice of mastering live spoken Russian by foreign speakers. Routinicon is a natural extension of the projects Russian Constructicon and Pragmaticon and borrows principles of data collection and data processing from the predecessor projects. At the same time, Routinicon collects phraseological units of a different type than these databases, and their description requires a fundamentally different annotation structure. The article discusses the principles and features of this annotation, as well as its potential for the intralingual classification of Russian language routines and its applicability to the corresponding material of other languages – laying the groundwork for future typological studies. Italian language examples collected by the authors are used for illustrations.

Keywords: pragmatics, constructions, routines, database, Russian language, Italian language

Acknowledgement. This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

References

Aijmer, K., 2014. *Conversational Routines in English: Convention and Creativity*. London; New York, <https://doi.org/10.4324/9781315845128>.

Ameka, F. A., 1987. Comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe. *Journal of Pragmatics*, 11, pp. 299 – 326, [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(87\)90135-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(87)90135-4).

- Apresyan, V.Y., 2004. *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Articles for the New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).
- Austin, J.L., 1975. *How to do things with words*. 2nd ed. Oxford.
- Balakay, A.G., 2001. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian Speech Etiquette]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).
- Baranov, A.N. and Dobrovolskij, D.O., 2008. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of Phraseology Theory]. Moscow (in Russ.).
- Baranov, A.N. and Dobrovolskij, D.O., 2022. *Osnovy frazeologii* [Basics of Phraseology]. Moscow (in Russ.).
- Barotto, A. and Mauri, C., 2018. Constructing Lists to Construct Categories. *Italian Journal of Linguistics*, 30 (1), pp. 95–134, <https://doi.org/10.26346/1120-2726-117>.
- Benigni, V., Cotta Ramusino, P.M., Mollica, F. and Schafroth, E., 2015. How to apply CxG to phraseology: a multilingual research project. *Journal of Social Sciences*, 11 (3), pp. 275–288, <https://doi.org/10.3844/jsssp.2015.275.288>.
- Boas, H.C. and Ziem, A., 2018. Constructing a constructicon for German. In: B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara and T.T. Torrent, eds. *Constructicography: Constructicon development across languages*, pp. 183–228, <https://doi.org/10.1075/cal.22.07boa>.
- Bulygina, T.V., 1982. Towards the Construction of a Typology of Predicates in the Russian Language. In: O.N. Seliverstova, ed. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, pp. 7–85 (in Russ.).
- Buzanov, A., Bychkova, P., Molchanova, A., Postnikova, A. and Ryzhova, D., 2022. Multilingual Pragmatic: Database of Discourse Formulae. In: *Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference*, pp. 3331–3336.
- Bychkova, P. and Rakhilina, E.V., 2023. Towards pragmatic construction typology: The case of discourse formulae. In: A. Barotto and S. Mattioli, eds. *Discourse phenomena in typological perspective*. Amsterdam, pp. 35–63, <https://doi.org/10.1075/slcs.227.03byc>.
- Bychkova, P., Yaskevich, A., Gyulasaryan, S. and Rakhilina, E.V., 2024. Building a Database of Conversational Routines. In: *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-CO-LING 2024)*. Torino, pp. 2548–2555.
- Coulmas, F., ed., 1981. *Rasmus Rask Studies in Pragmatic Linguistics*. Vol. 2. Mouton.
- Croft, W., 1994. Speech act classification, language typology and cognition. In: S.L. Tsohatzidis, ed. *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives*. London, pp. 460–477.
- Degand, L. and Evers-Vermeul, J., 2015. Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers?: More than a terminological issue. *Journal of Historical Pragmatics*, 16 (1), pp. 59–85, <https://doi.org/10.1075/jhp.16.1.03deg>.
- Diewald, G., 2011. Grammaticalization and pragmaticalization. In: *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford, pp. 450–461, <https://doi.org/10.1093/oxfordhdb/9780199586783.013.0036>.
- Endresen, A. and Janda, L.A., 2020. Taking Construction Grammar one step further: Families, clusters, and networks of evaluative constructions in Russian. *Frontiers in Psychology*, 11, pp. 1–22, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.574353>.
- Endresen, A., Janda, L.A., Zhukova, V., Mordashova, D. and Rakhilina, E., 2025. From a list into a network: Growing the Russian Constructicon via research on families of constructions. In: A. Ziem, A. Willich and S. Michel, eds. *Constructing constructicons: Issues, approaches and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam (in print).
- Fillmore, C.J., 1984. Remarks on contrastive pragmatics. In: J. Fisiak, ed. *Contrastive linguistics: Prospects and problems*. Amsterdam, pp. 119–141.

Fillmore, C.J., 2008. Border conflicts: FrameNet meets construction grammar. In: *Proceedings of the XIII EURALEX international congress*. Vol. 4968. Barcelona, pp. 49–68.

Fillmore, C.J., Kay, P. and O'Connor, M.C., 1988. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*, 64 (3), pp. 501–538, <https://doi.org/10.2307/414531>.

Fillmore, C.J., Lee-Goldman, R. and Rhodes, R., 2012. The FrameNet construction. In: H.C. Boas and I.A. Sag, eds. *Sign-based construction grammar*. Stanford, pp. 309–372.

FrameNet. Available at: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/luIndex> [Accessed 9 August 2024].

Givón, T., 1975. Cause and control: On the semantics of interpersonal manipulation. *Syntax and Semantics*, 4, pp. 59–89.

Hoffmann, T. and Trousdale, G., 2013. *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford; New York.

Janda, L., Endresen, A., Zhukova, V., Mordashova, D. and Rakhilina, E.V., 2023. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian construction. *Constructions and Frames*, 15 (1), pp. 1–58, <https://doi.org/10.1075/cf.00066.jan>.

Janda, L., Lyashevskaya, O., Nessel, T., Rakhilina, E. and Tyers, F.M., 2018. A construction for Russian. In: B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara and T.T. Torrent, eds. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam, pp. 165–182, <https://doi.org/10.1075/cal.22.06jan>.

Kay, P. and Fillmore, C.J., 1999. Grammatical constructions and linguistic generalizations: The 'What's X doing Y?' construction. *Language*, 75, pp. 1–33.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 1 October 2024] (in Russ.).

Ohara, K.H., 2013. Toward constructicon building for Japanese in Japanese FrameNet. *Veredas – Revista de Estudos Linguísticos*, 17 (1), pp. 11–28.

Orlov, A., Butenko, Z., Demidova, D., Starchenko, V., Rakhilina, E. and Lyashevskaya, O. 2023. Russian Constructicon 2.0: New Features and New Perspectives of the Biggest Constructicon Ever Built. In: *Proceedings of the International Conference "Dialogue"*. Vol. 2023, <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-378-385>.

Puzhaeva, S.Y., Gerasimenko, E.A., Zakharova, E.S. and Rakhilina, E.V., 2018. Automatic Extraction of Discourse Formulae from Russian Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 16 (2), pp. 5–18, <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-5-18> (in Russ.).

Rakhilina, E.V. and Kuznetsova, Y.L., 2010. Grammar of Constructions: Theory, Supporters, Related Ideas. In: E.V. Rakhilina, ed. *Lingvistika konstruktivii* [Linguistics of Constructions]. Moscow, pp. 18–79 (in Russ.).

Rakhilina, E.V. and Uhlik, M., 2020. Construction Grammar and Slavic. In: M. Greenberg and L. Grenoble, eds. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Leiden, https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_032441.

Rakhilina, E.V., Bychkova, P.A. and Zhukova, S.Y., 2021. Speech Acts as a Linguistic Category. Discourse Formulae. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 7–27, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27> (in Russ.).

Rakhilina, E.V., Zhukova, V.A., Demidova, D.A., Kudryavtseva, P.S., Rozovskaya, G.P., Endresen, A.A. and Janda, L.A., 2022. Phraseology from the Perspective of the "Russian Constructicon". *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 2 (32), pp. 13–44, <https://doi.org/10.31912/pvli-2022.2.2> (in Russ.).

Sadock, J.M. and Zwicky, A.M., 1985. Speech act distinctions in syntax. *Language Typology and Syntactic Description*, 1, pp. 155–196.

Sbisà, M. and Turner, K., eds., 2013. *Pragmatics of speech actions*. Berlin, <https://doi.org/10.1515/9783110214383>.

Searle, J.R., 1976. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*, 5, pp. 1–23.

Sköldberg, E., Bäckström, L., Borin, L. et al., 2013. Between grammars and dictionaries: A Swedish construction. *Electronic lexicography in the 21st century: thinking outside the paper: Proceedings of the eLex 2013 conference, 17–19 October 2013, Tallinn, Estonia*. Ljubljana; Tallinn, pp. 310–327.

Torrent, T.T., Meireles Lage, L., Sampaio, T.F., da Silva Tavares, T. and da Silva Matos, E.E., 2014. Revisiting border conflicts between FrameNet and construction grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese construction. *Frames, constructions, and computation*, 6, pp. 34–51, <https://doi.org/10.1075/cf.6.1.03tor>.

Yaskevich, A.A., Bychkova, P.A., Slepak, E.A. and Rakhilina, E.V., 2022. The Database of Discourse Formulae in Russian “Pragmaticon”. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2 (32), pp. 45–62, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.2.3> (in Russ.).

Zalizniak, Anna A., 1992. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies on the Semantics of Inner State Predicates]. Munich (in Russ.).

The authors

Prof. Ekaterina V. Rakhilina, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; HSE University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-7126-0905

E-mail: rakhilina@gmail.com

Serafima M. Gyulasaryan, master’s student, HSE University, Moscow, Russia; Ca’ Foscari University of Venice, Italy.

E-mail: gyserafima@gmail.com

Polina A. Bychkova, PhD student, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia.

E-mail: polyatomson@gmail.com

To cite this article:

Rakhilina E. V., Gyulasaryan S. M., Bychkova P. A., 2025, Pragmatics in the digital age: the Routinicon database, *Slovo.ru: Baltic accent*, 2025, Vol. 16, no. 2, pp. 28–52. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2.

